

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Как укрепляются растущие державы?

Э. Харт, Б. Джонс*

Харт Эндрю – исследователь Центра международного сотрудничества Нью-Йоркского университета;
E-mail: andrew.hart@nyu.edu

Джонс Брюс – директор и старший научный сотрудник Центра международного сотрудничества Нью-Йоркского университета, старший научный сотрудник и директор Инициативы по управлению глобальной небезопасностью Брукингского института; E-mail: bruce.jones@nyu.edu

Ключевые слова: растущие державы, великие державы, многосторонность, БРИК, США.

Key words: emerging powers, great powers, multilateralism, BRIC, United States.

В статье рассматриваются процессы укрепления так называемых растущих держав. При этом подчеркивается, что на данный момент не существует общепринятого определения растущей державы, и некоторые страны, относящиеся к растущим державам, существенно различаются по ряду аспектов. Так, Россия очевидно «выпадает» из группы БРИК. Авторы делают попытку выработать методологические основы изучения растущих держав, а также рассматривают влияние, которое они оказывают на исполнение США лидерских функций в международной системе и на пересмотр мирового порядка.

В мировой политике существуют моменты, когда изменения в балансе сил кажутся особенно острыми. Одно такое изменение произошло в 1990 г., когда неожиданно прекратил существование Советский Союз. Другое, возможно, происходит на наших глазах. Оно вызвано перенапряжением сил США и «ростом остальных», которые вместе изменили мировой баланс влияния. Некоторые аналитики предвидят «постамериканский мир» [37] или используют термин «неполярность» [14, Р. 44–56] для описания мира, в котором период однополярности и отсутствия альтернативных центров силы завершен. Другие обращают внимание на появление отдельных держав или регионов, особенно Китай и Индию [20]. Частично этот рост является структурным, и, как это ни парадоксально, он поддержан американской приверженностью либеральному экономическому порядку, который был чрезвычайно выгоден растущим державам. Частично он, без сомнения, преувеличен: несмотря на все разговоры о «Группе двух», состоящей из Вашингтона и Пекина, американская экономика все еще примерно

втрое больше китайской. Но, тем не менее, что-то изменилось в природе американской роли в мировом порядке.

Адаптация США к этому изменению была до сих пор быстрой и мирной. Глобальный финансовый кризис привел к тому, что сначала президент Дж. Буш, а затем президент Б. Обама вовлекли лидеров «Группы двадцати» в принятие скоординированных ответных действий. В скором времени «Группа восьми» была заменена «Группой двадцати» в качестве главного мирового финансового института, что четко продемонстрировало признание Западом глобальной роли растущих держав. Кризис, однако, также ужесточил позиции растущих держав по отношению к лидерству США. Климатические переговоры в Копенгагене показали, что растущие державы не будут молча принимать соглашения, предложенные США. Бразильско-турецкий гамбит для блокирования настойчивых попыток США ввести санкции против Ирана продемонстрировал потенциальные последствия уверенности в себе этих акторов. Окно возможностей, сопровождавшее финансовый

* Текст «Как укрепляются растущие державы?» впервые был опубликован на английском языке под названием: Andrew Hart and Bruce Jones, "How do the Rising Powers Rise?", *Survival*, vol. 52, no. 6, December 2010 – January 2011, <http://www.iiss.org/publications/survival/survival-2010/year-2010-issue-6/how-do-rising-powers-rise/>. Все права защищены.

Перевод выполнен заместителем директора Информационно-аналитического центра по сотрудничеству с «Группой восьми» Института международных организаций и международного сотрудничества (ИМОМС) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аспирантом Института США и Канады РАН М.Р. Рахмангуловым под редакцией д.полит.н., директора ИМОМС НИУ ВШЭ М.В. Ларионовой.

кризис и приветствовавшее Б. Обаму, вероятно, уже начало закрываться. Независимо от этого, двух приведенных выше примеров достаточно для того, чтобы подтвердить, что отношения между американской (и до некоторой степени европейской) стратегией и растущими державами будут формировать глобальный порядок в эру, в которую нам предстоит войти.

Приведет ли рост остальных к появлению сбалансированного мирового порядка, к которому так стремятся растущие державы? Он может, без сомнения, привести к появлению большего количества возможностей для решения общих глобальных проблем и сдерживания региональных и транснациональных угроз. Создаст ли это сложный, но в целом координируемый порядок, в котором государства сотрудничают там, где могут, и сдерживают свои различия там, где не могут сотрудничать? Или конкуренция за ресурсы будет препятствовать сотрудничеству в финансовой сфере и, возможно, в сфере безопасности? Создадут ли просчеты, неопределенность и недоверие новую эру беспорядка и конфликтов? Будут ли растущие державы поддерживать, использовать или подрывать усилия США по сохранению стабильного мирового порядка? И продолжит ли Америка, особенно конгресс, гарантировать этот меняющийся порядок? Ответы на эти вопросы требуют более глубокого понимания природы влияния растущих держав в глобальных системах и последствий того, как они реагируют на ряд лидерских функций США. До сих пор комплексные стратегии ведения переговоров и балансирования доминировали над созданием альтернативных полюсов и блокированием усилий США. Хотя это лучше, чем возможные альтернативы, существует риск просчетов и непредусмотренных последствий для мирового порядка.

Профиль растущей державы

То, что Китай и Индия занимают более сильные позиции в глобальных политических дискуссиях, чем в прошлом, является очевидным. Равно как и то, что Бразилия, Россия, страны Персидского залива и Южная Африка имеют определенное влияние в региональном масштабе и также могут иногда влиять на политику в глобальном масштабе. Но основы этой силы вне экономической сферы не очень хорошо понятны.

Концепция растущих держав предполагает наличие общих характерных черт. Но что это за черты? На данный момент не существует общепринятого определения развивающейся или

растущей державы¹. Это затрудняет формирование общего понимания, вызывая сомнения в полезности отношения к этим странам как к единому блоку [29].

Единственная более или менее общая черта – это растущая экономическая мощь. Термин «БРИК» (Бразилия, Россия, Индия и Китай) был введен в докладе банка «Голдман Сакс» в 2003 г. [33] Считалось (и до сих пор считается), что растущая мощь этих стран в мировой экономике способна изменить глобальный экономический и политический пейзаж XXI в.² Со времени первого упоминания группа БРИК пережила несколько изменений. Иногда ее называют БРИКС, относя к ней также Южную Африку, или БРИКСАМ, включая и Южную Африку, и Мексику. Аналогично форум ИБСА (Индия, Бразилия, Южная Африка) возник в качестве отдельной группы, которая все в большей степени занимается угрозами безопасности. На климатических переговорах в Копенгагене мы наблюдали возникновение группы БАСИК (Бразилия, Южная Африка, Индия, Китай), в рамках которой объединились растущие державы, за исключением России. Но хотя потенциал высокого уровня экономического роста является фактором, позволяющим этим странам укрепляться, является ли он сам по себе достаточным для того, чтобы служить основанием для их объединения? Не отличается ли существенно рост Китая от индийского или бразильского, чтобы служить основанием для того, чтобы относиться к ним по-разному?

Э. Харрелл в статье 2006 г. в журнале «International Affairs» привел четыре дополнительных основания для того, чтобы рассматривать эти страны через общую призму

¹ Это, конечно, осложнено тем фактом, что также не существует общепринятого определения «великой державы». Как заметил М. Уайт: «Всегда легче отвечать с точки зрения истории..., чем давать определение, так как всегда существует согласие о существующих великих державах» [32, Р. 41]. Большинство школ международных отношений используют следующее определение: великая держава – это государство, обладающее достаточными военными ресурсами для участия в тотальной войне с применением обычных вооружений против наиболее сильного государства в мире [23, Р. 5].

² Россия в этом отношении несколько отличается. Ее экономическая мощь основывается на значительных энергетических ресурсах в большей степени, чем у партнеров по БРИК. Последние данные показывают, что почти 30% российского ВВП зависят от энергетического сектора. При условии, что Россия не сможет преуспеть в диверсификации своей экономики, ее возможности проекции силы будут зависеть от способности извлечь выгоду из экспорта энергоресурсов [34].

[15, Р. 1–19]. Во-первых, в дополнение к растущей экономической мощи все они обладают относительно высоким уровнем по крайней мере потенциальных военных ресурсов и политической власти, приемлемой степенью внутреннего единства и некоторой возможностью влиять на пересмотр международного порядка. Во-вторых, каждая из них стремится к более важной роли в мировых делах. Роль Бразилии в регионе существенно усилилась, что наиболее заметно на Гаити. Индия в течение долгого времени предоставляла больше всего ресурсов для миротворческих операций ООН и недавно сыграла важную роль в поддержке восстановления и реконструкции в нестабильных и страдающих от гражданских войн государствах вдоль ее северной границы, особенно в Непале. Более сильный Китай также часто рассматривается как страна, способная участвовать в решении глобальных проблем [36]. Хотя его вклад до сих пор был sporadическим, Пекин все в большей степени включается в миротворческие операции ООН и сыграл лидирующую роль в сфере изменения климата. После осознания недостатка своих возможностей Китай также занял более своевременную и активную позицию по предотвращению пандемий [8, Р. 306–328]. Растущие державы также стали более активными и убедительными в вопросах, рассматривающихся в международных институтах, таких как Всемирная торговая организация (ВТО) или Международный валютный фонд (МВФ), и усиливают влияние в региональных организациях, таких как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Организация американских государств (ОАГ). В некоторых случаях они были способны организовать создание новых региональных механизмов, например, Союза южноамериканских наций (UNASUR) в Латинской Америке, или существенно переориентировать и активизировать существующие, такие как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Растущие державы также все в большей степени используют влияние для того, чтобы оспорить легитимность послевоенного порядка, призывая к более плюралистическим и многополярным концепциям. Китай, например, давно является «ястребом» в вопросах суверенитета, в большинстве случаев возражая против легитимности понятия гуманитарной интервенции. Его модель авторитарного капитализма все в большей степени становится продуктом идеологического экспорта, бросая вызов либеральной модели США. Индия, несмотря на союз с Вашингтоном во многих областях (в последнее время по вопросам ядерных техноло-

гий) и существенное укрепление двусторонних экономических связей с Соединенными Штатами, иногда выступает с оппозиционными взглядами. Она часто критикует экономическую систему, которую рассматривает как игнорирующую вопросы развития, выступила против повестки дня гуманитарных интервенций [24, Р. 64], открыто призвав к возвращению к более объективному и справедливому политическому порядку [11, Р. 55–7]. Южная Африка использовала свое влияние в группе стран Африки для усиления дипломатических позиций в многосторонних институтах, таких как ООН, играя важную роль на переговорах в Генеральной Ассамблее (во время подготовки к Всемирному саммиту 2005 г.) и заняв блокирующую позицию в Совете Безопасности ООН. Бразилия была способна заявить о себе прежде всего в сферах торговли и энергетики, но ее многосторонняя дипломатия в рамках ООН и других механизмах в сфере безопасности значительно отстает от других растущих держав.

Отношения между растущими державами углубились как в двустороннем формате, так и в рамках региональных и международных институтов. Уровень экономических отношений Китая с Индией, Южной Африкой и Бразилией существенно вырос. Количество военных учений между растущими державами увеличилось. Несмотря на иногда случающиеся разногласия, они стремятся сглаживать противоречия, чтобы избежать возникновения крупных конфликтов³. Недавние события в региональных институтах включают российско-китайское взаимодействие в ШОС, возникновение коалиции «Группа двадцати в рамках ВТО»⁴ и более глубокое, хотя и осторожное взаимодействие в сфере безопасности в структурах АСЕАН и других региональных форумах. Несмотря на это, заметно отсутствие широкой дискуссии между самими растущими державами об их роли и функциях в международной системе.

³ Китай и Индия, например, не дали своим долгим пограничным спорам перерасти в нечто большее, чем сдержанные столкновения в последние годы.

⁴ Важно не путать «Группу двадцати» и «Группу двадцати в рамках ВТО». Первая была создана в 1999 г. как форум министров финансов крупнейших развитых и развивающихся стран для стабилизации глобальных финансовых рынков после Азиатского кризиса 1997 г. Ко времени питтсбургского саммита 2009 г. она фактически заменила «Группу семи» в качестве главного органа для решения экстренных глобальных экономических и финансовых вопросов. Последняя, наоборот, существует как коалиция развивающихся стран внутри ВТО. Она была создана после министерской встречи 2003 г. в Канкуне, чтобы ответить (и во многих случаях блокировать) на ряд западных предложений.

Наконец, можно провести различие между большинством растущих держав и другими «средними державами» Запада. В отличие от Канады, Японии и многих европейских стран, растущие державы никогда не были в полной мере интегрированы в послевоенный мировой порядок. То, что они находились вне системы, наблюдая за ней, в значительной степени повлияло на их стратегические интересы и формирование национальных целей [15].

Тем не менее существуют основания для сомнений в том, что каждое из этих государств может с полным основанием иметь статус растущей державы. Например, Россия очевидно «выпадает» из группы БРИК. Несмотря на то что иногда она рассматривается как растущая держава (в основном из-за ее энергетических ресурсов), период после распада СССР стал для России периодом упадка [22, Р. 41–57]. Ряд показателей указывают не на рост ее влияния в мире, а наоборот, на понижение. Более двух лет прошло со времени российского военного вторжения в Грузию. Многие наблюдатели рассматривают его как «золотую осень» российской силы, а не как возвращение агрессивной России, способной воссоздать сеть уважающих ее восточноевропейских сателлитов. Население России сокращается на 4% в год, и, если эта тенденция сохранится, к 2050 г. население страны может сократиться до 120 млн [35]. Российская экономика, хотя и прогнозируется ее рост в средне- и долгосрочной перспективе, сильно пострадала от недавнего глобального экономического спада; финансовый сектор был подорван реакцией международного бизнеса на ее авантюризм в Грузии. Она все еще слишком зависит от экспорта газа, и перспектива диверсификации кажется слабой. Также и история российской экономики с начала 1990-х годов не дает возможности считать, что Россия способна справляться с рисками глобализации. Российская политическая система остается склеротичной и невосприимчивой к общественным запросам. Хотя военный потенциал России в сфере обычных вооружений, скорее всего, сохранится, он будет ослаблен вследствие сокращения численности населения. Кроме того, Россия не сумела подавить экстремизм на своих границах, и недавно возобновившийся терроризм начал проникать вглубь страны.

Основания силы

Пример России, тем не менее, показывает, что группирование этих наций в качестве растущих держав вызывает достаточное количество во-

просов, возникающих при более глубоком исследовании орбиты их влияния.

Как измерить влияние растущей державы? Сила государства рассматривается по трем составляющим: во-первых, материальные ресурсы; во-вторых, способность страны через национальные процессы отвлекать эти ресурсы от собственного общества для достижения определенных политических целей; в-третьих, влияние на результаты [28]. Третий аспект является наиболее сложным в отношении растущих держав, так как зависит от специфических контекстуальных факторов. Полезность силы зависит от ее назначения, цели, на которую она направлена [28].

Большинство рейтингов силы включают измерение основных экономических, военных, географических и научных индикаторов. В Табл. 1–3 показано, например, что небольшая группа стран очевидно доминирует над остальными по военным расходам, экономической мощи и показателям научных и технологических способностей. Это означает, что для того чтобы быть растущей державой, государство должно демонстрировать повышательную траекторию в этих областях. Без растущей экономики и потенциала для создания военной силы государство не сможет конкурировать в сфере геополитики и военного дела с сильнейшими государствами в международной системе.

Таблица 1. Военные показатели, 2009 г.

Страна	Военные расходы, млрд долл. США	Доля в мировых оборонных расходах	Оборонные расходы, доля в ВВП
США	661	43	4,3
Китай	100*	6,6*	2,0*
Франция	63,9	4,2	2,3
Великобритания	58,3	3,8	2,5
Россия	53,3*	3,5*	3,5*
Япония	51	3,3	0,9
Германия	45,6	3	1,3
Саудовская Аравия	41,3	2,7	8,2
Индия	36,3	2,4	2,6
Италия	35,8	2,3	1,7
Бразилия	26,1	1,7	1,5

Источник: SIPRI Yearbook, 2010.

* Оценка.

Таблица 2. Экономические показатели, 2009 г.

Страна	ВВП в текущих ценах, млрд долл. США	ВВП на душу населения в текущих ценах	Доля в мировом ВВП, ППС
Европейский союз	16 447,26	31 963,40	15,08
США	14 119,05	45 934,47	20,42
Япония	5 068,89	39 740,27	5,96
Китай	4 984,73	3 734,61	12,56
Бразилия	1 574,04	8 220,36	2,88
Индия	1 236,94	1 031,59	5,05
Россия	1 231,89	8 681,41	3,02
Мексика	874,81	8 133,87	2,10
ЮАР	287,22	5 823,58	0,72
ОАЭ	223,87	45 614,54	0,26

Источник: IMF World Economic Outlook Database.

Таблица 3. Научные и технологические показатели, 2007 г.

Страна	Высокотехнологичный экспорт, млн долл. США	Расходы на НИ-ОКР, доля в ВВП	Зарегистрировано заявок на патент
Европейский союз	440 799	2,01	135 789
Китай	336 998	1,42	245 107
США	228 665	2,61	456 154
Япония	121 425	3,40	396 987
Сингапур	105 549	2,61	9 455
Бразилия	9 295	0,82	24 074
Индия	4 944	0,69	24 505
Россия	4 144	1,08	30 435
ЮАР	1 859	0,92	5 781
ОАЭ	23	Н. д.	Н. д.

Источник: World Bank World Development Indicator Database.

И все же, существует ли подходящий инструмент для понимания современной державы? Во-первых, большинство рейтингов как минимум подразумевают, что основным предназначением государственной мощи является защита собственных интересов посредством войны. В то время как возможность вести войну порой является основным испытанием государственной силы, угрожающая окружающая

среда, наполненная транснациональными вызовами безопасности, создала динамику, которая позволила растущим державам действовать выше пределов своей силы.

Во-вторых, эти измерения не только мало дают для понимания влияния государства на широкий круг вопросов, но и могут привести к ложным прогнозам относительно того, какие страны будут доминировать на переговорах по важным вопросам. Давно признано, что причинная связь между материальными возможностями и влиянием на конкретные результаты редко является стопроцентной. Это явление было названо «парадоксом нереализованной силы» [3, Р. 161–194]. Неспособность превратить ресурсы в результаты иногда объясняется неправильным применением силы или недостатком опыта ведения переговоров, или воли, но лучшим объяснением может быть признание того, что многие аспекты силы не равноценны во всех или в большинстве политических условий. США до сих пор с большим отрывом лидируют по размерам ВВП, военным возможностям и инновациям. Уделяя слишком много внимания этим факторам, можно ожидать, что сформировавшиеся державы будут по-прежнему способны доминировать над растущими державами на переговорах в большинстве сфер. Тем не менее это сомнительно с эмпирической точки зрения. Парадокс нереализованной силы, таким образом, является результатом предположения, что большинство форм силы могут быть переданы в рамках большинства сфер деятельности, что часто совсем не так [3, Р. 161–194].

Тот факт, что растущие державы могут сейчас оказывать значительное влияние, несмотря на существующие различия в экономической мощи, военной силе и инновациях, вызывает недоумение. Базовые показатели силы свидетельствуют о том, что считать многополярность реальностью преждевременно. Но если многополярного мира еще нет, как смогли растущие державы усилить позиции в отношении сформировавшихся держав в более сильной степени, чем предсказывали показатели? Как они смогли усилить свое влияние в сферах, в которых у сформировавшихся сильных держав есть интересы?

В первую очередь растущие державы стали добиваться успехов в сфере экономики, и их способность оказывать влияние в области мировой экономики и финансов достаточно хорошо понятна. Но, тем не менее, это не так по отношению к их влиянию в более традиционных сферах внешней политики. Хотя экономическая сила может преобразовываться в по-

литическую и тесно связана с военной мощью, это не одно и то же. Недостаток в обычных вооружениях у растущих держав может сделать их менее значимыми во внешней политике. Но это утверждение можно опровергнуть: экономический, политический и военный вес растущих держав на региональном уровне часто позволяет им блокировать решения великих держав по важнейшим геополитическим вопросам; они уже имеют значительное многостороннее влияние.

Таблица 4. Выбросы углекислого газа, 2006 г.

Страна	Углекислый газ, тыс. метрических тонн	Выбросы углекислого газа на душу населения, метрических тонн
Китай	6 538 367	4,62
США	5 838 381	19,7
Европейский союз	3 509 201	8,9
Индия	1 162 362	1,31
Россия	1 537 357	11
Япония	1 254 543	10
Канада	557 340	17,2
ЮАР	433 527	8,59
Бразилия	368 317	1,86
ОАЭ	135 540	32,85

Источник: United Nations Statistics Division.

Иерархия влияния растущих держав наиболее сильна в вопросах изменения климата. Тот факт, что Китай превзошел США по выбросам углекислого газа и что по этому показателю США и Китай более чем вдвое превосходят любую другую страну и примерно на 60% ЕС (Табл. 4), означает, что успех копенгагенского климатического саммита в конечном счете свелся к готовности американских и китайских переговорщиков прийти к согласию. Без одобрения со стороны обеих стран ни одно соглашение по климату не создало бы критической массы, необходимой для достижения устойчивых результатов. Это прямо указывает на способность Китая противодействовать или блокировать усилия Запада по этому вопросу. Так как предпочтения Китая в течение долгого времени складывались вокруг поддержания экономического роста и социальной стабильности, США были неспособны ни уговорить, ни

заставить, ни подкупить Китай, чтобы тот пошел на обязывающее соглашение.

Другая сфера, в которой растущие державы оказывают усиливающееся влияние, – финансы, что наиболее ясно демонстрирует рост суверенных фондов благосостояния в Восточной Азии и странах Персидского залива и накопление Китаем валютных резервов в долларах США (Табл. 5 и 6). Но азиатские кредиторы приобрели небольшое политическое влияние на заемщиков. Если рассуждать в терминах сдерживания и принуждения, то финансовая мощь может обеспечить первое в большей степени, чем второе [12, Р. 7–45]. После начала финансового кризиса Китай не имел значительных успехов в давлении на США для защиты своих активов, выраженных в долларах, и обеспечения доступа на американский рынок. Тем не менее Китай был способен продолжать позволять юаню девальвироваться, несмотря на протесты США, и предотвратить любую внятную дискуссию в МВФ относительно ценности китайской валюты [12, Р. 7–45]. Несмотря на то что Китай с тех пор предпринял некоторые меры, чтобы позволить курсу юаня повыситься, не вполне ясно, было ли это решение вызвано в первую очередь коллективным недовольством ведущих государств «Группы двадцати» или внутренними соображениями. Хотя этот пример указывает на способность Китая играть блокирующую роль в финансовых делах, он также подчеркивает взаимную уязвимость, которая до сих пор не давала Китаю возможности пойти на крайние меры – продать свои долларовые резервы в попытке принуждения лиц, принимающих решения, в США.

Тем не менее финансовая мощь Китая, использованная против более слабых стран, принесла плоды более важные, чем просто обеспечение доступа к природным ресурсам. Из-за значительных капитальных и прямых инвестиций во многих регионах развивающегося мира, особенно в Африке, Тихоокеанском бассейне и Латинской Америке, страны склонялись к поддержке Китая по политическим вопросам, когда их заставляли это делать. Например, в преддверии Всемирного саммита 2005 г. Китай использовал свое финансовое влияние, чтобы заставить многие африканские страны выступить против стремления Индии стать членом Совета Безопасности ООН.

Если говорить о более общих экономических вопросах, превращение Китая во вторую по величине экономики страны не отменяет тот факт, что разрыв между первой и второй странами остается большим. Тем не менее, когда

Таблица 5. Финансовые показатели

Страна	Торговый баланс, млрд долл. США*	Баланс счета текущих операций, доля в ВВП*	Дефицит / профицит бюджета (доля в ВВП)*	ПИИ в страну, млн долл. США**	Резервы иностранной валюты, млн долл. США**
США	-518,4	-3,0	-10,0	45 058	666 000
Европейский союз	25,3	-0,7	-6,9	нет данных	569 613
Россия	104,1	3,8	-7,2	70 320	417 459
Япония	34,4	2,7	-7,4	24 426	1 900 400
Китай	196,1	6,3	-3,8	108 312	2 499 560
Бразилия	24,6	-1,0	-3,2	45 058	239 587
Индия	-74,5	-0,7	-8,0	41 554	274 455
ЮАР	-2,5	-5,3	-6,0	9 009	31 491
ОАЭ	66,6	1,4	13,6	5 000	31 695

Источник: Economist Intelligence Unit.

* Данные на конец 2009 г.

** Данные на конец 2008 г.

Таблица 6. Данные о суверенных фондах растущих держав и стран Персидского залива, сентябрь 2010 г.

Страна	Название фонда	Активы, млрд долл. США
ОАЭ	Abu Dhabi Investment Authority	627
Саудовская Аравия	SAMA Foreign Holdings	415
Китай	SAFE Investment Company	347,1*
Китай	China Investment Corporation	332,4
Сингапур	Government of Singapore Investment Corporation	247,5
Кувейт	Kuwait Investment Authority	202,8
Китай	National Social Security Fund	146,5
Россия	Фонд национального благосостояния	142,5*
Сингапур	Temasek Holdings	133
Катар	Qatar Investment Authority	85

Источник: Sovereign Wealth Fund Institute.

* Оценка.

растущие державы действуют как один блок, их 16%-я доля в мировом ВВП позволяют им быть на третьем месте после ЕС и США. Но это все еще не позволяет до конца оценить влияние растущих держав, учитывая, что Китай, Индия и в меньшей степени Бразилия способны оказывать существенное влияние на другие развивающиеся государства через «Группу семидесяти семи», «Группу двадцати в рамках ВТО» и иные группы. Институционально это добавляет голосов к их позициям. Доля БРИК в мировой

экономике, таким образом, недостаточна для создания блокирующего меньшинства, но все же существенна и не может быть проигнорирована.

Три дополнительных фактора в сфере внешней политики помогают объяснить влияние растущих держав. Во-первых, глубокие двусторонние экономические и политические связи, которые эти страны имеют с определенными «уязвимыми» странами или странами-изгоями. Данные о торговле показывают, что

растущие державы часто находятся в положении, которое позволяет им оказывать более сильное экономическое влияние на слабые и уязвимые государства, чем западным державам (Табл. 7). Рассмотрим пример Зимбабве, против которой многие на Западе пытались ввести санкции из-за нарушения прав человека со стороны режима Мугабе и его нежелания поделиться властью с растущей и активной оппозицией. Этому усилению во многом мешало нежелание Южной Африки занять жесткую позицию. Статус ведущего торгового партнера Зимбабве, которым обладает ЮАР, является источником потенциального влияния, которым акторы, выступающие за санкции, не обладали. Без согласия Южной Африки было мало шансов на то, что западные голоса могли оказать давление на Хараре. Схожая динамика наблюдалась и в случае с Мьянмой. Хотя многие на Западе хотели бы расширить санкции против военной хунты за ее репрессии против оппозиции, немного может быть сделано без взаимодействия с Китаем и Индией – двумя основными торговыми партнерами Мьянмы.

Во-вторых, влияние растущих держав усиливается отсутствием единства на Западе. ЕС еще предстоит выработать полностью согласованный механизм для развития и реализации внешней политики. Политические расхождения внутри Европы иногда ограничивали европейское влияние. Случающиеся время от времени расхождения между ЕС и США также осложняли совместные усилия. Недостаток единства в предпочтениях обычно был обусловлен различным пониманием того, что представляет собой легитимное использование силы, подходов к многосторонности и меняющимся ограничениями со стороны общественного мнения. Последние примеры различий в политике по отношению к Ближнему Востоку являются как раз таким случаем. Расхождения по поводу второй иракской войны хорошо известны. По Афганистану, хотя до 2008 г. европейская общественность считала, что затрачиваемые там усилия имеют смысл, мнение изменилось. Это помешало европейским лидерам внести еще больший военный вклад в восстановление Афганистана (хотя страны Европы продолжили вносить свой вклад другими средствами). США и ЕС также придерживались разных стратегий по отношению к санкциям против Ирана⁵. Хотя иногда это воспринималось как просчитанная стратегия «хороший полицейский – плохой по-

лицейский», лучшая координация между сторонами на раннем этапе могла бы принести более существенные результаты [17]. Таким образом, на большинстве многосторонних переговоров растущие державы больше не выступают против объединенного дисциплинированного западного блока, контролирующего около двух третей мировой экономики, а против намного более недисциплинированного и разобщенного блока западных акторов с несколькими различными целями.

Наконец, внутри многосторонних институтов страны БРИК могут часто оказывать влияние, непропорциональное их индивидуальным экономическим размерам или формальному праву голоса. Это происходит потому, что определенные черты институтов приводят к усилению влияния растущих держав. В некоторых многосторонних институтах это зависит от правил принятия решений, которые требуют полного или почти полного консенсуса. В ООН растущие державы оказывают существенное влияние на решения посредством своей роли в мобилизации региональных блоков (Китай и Россия, конечно, являются постоянными членами Совета Безопасности и поэтому обладают правом вето в этом форуме). Растущие державы часто вносят большой вклад по вопросам, ключевым для мандата ООН, таким как поддержание мира. Индия, например, предоставляет более 8 тыс. войск из всего менее чем 100-тысячного Миротворческих контингента ООН [2]. Готовность Нью-Дели использовать индийские войска для этих целей позволяет ему влиять на планы и успех миссии. Блоковое голосование также позволяет растущим державам усилить свой голос. В области прав человека, например, недавнее исследование Европейского совета по международным отношениям показало, что существуют реальные ограничения влияния Запада в Совете по правам человека, где растущие державы имели значительный успех в блокировании западных инициатив [13].

Аналогично блоковое голосование в ВТО позволило Индии, Бразилии и Китаю заблокировать поддержанные США и ЕС предложения. Хотя технически ВТО голосует путем достижения консенсуса, в прошлом было практически невозможно для любой незападной страны остановить инициативы, которые она рассматривает как вредные для своих интересов. Это связано с тем, что государства Запада часто использовали тактику «невидимого взвешивания», основанную на тайных договоренностях, для разрушения коалиций развивающихся

⁵ Это отражение аргумента Р. Кагана, представленного в [17].

Таблица 7. Торговые показатели уязвимых стран, 2008 г.

Страна	ВВП в текущих ценах, млрд долл. США	Доля торговли в ВВП	Всего экспорт, млн долл. США	Первые три партнера по экспорту, %	Всего импорт, млн долл. США	Первые три партнера по импорту, %
Зимбабве	10,58	-69,9	1,39	ЮАР (60); ДРК (10); Ботсвана (8,7)	1,91	ЮАР (32); Китай (4); Ботсвана (3,7)
Судан	58,03	2,0	11,67	Китай (49); Япония (33); Индонезия (5,5)	8,22	Китай (20); Саудовская Аравия (8); ОАЭ (6,2)
Пакистан	164,63	-6,1	21,09	США (16); ОАЭ (11,7); Афганистан (8,6)	38,19	Китай (20); Саудовская Аравия (12); ОАЭ (11,2)
Мьянма	26,21	10,6	6,67	Таиланд (52); Индия (12,7); Китай (8,9)	3,38	Китай (31); Таиланд (21,2); Сингапур (20,7)
Иран	325,5	3,6	98,43	Китай (15,3); Япония (14,3); Индия (10,4)	67,25	ОАЭ (19,3); Китай (13); Германия (9,2)
Сирия	55,02	-5,8	13,97	Ирак (30,9); Германия (9,8); Ливан (9,7)	15,97	Саудовская Аравия (11,7); Китай (8,7); Россия (6,4)

Источник: CIA World Factbook; Economist Intelligence Unit.

стран [27, Р. 339–374]. Но в 2003 г. в Канкуне и в 2008 г. в Женеве «Группа двадцати в рамках ВТО» продемонстрировала сплоченность и «заморозила» переговоры после того, как возникло несогласие по «сингапурским вопросам» (включающим усилия по либерализации в сферах государственных закупок, содействию торговле, инвестициям и конкуренции) и по размерам специального механизма для защиты от резкого роста сельскохозяйственного импорта. В обоих случаях «двадцатка» была способна сохранить единство, несмотря на несопадающие интересы (некоторые члены «Группы двадцати в рамках ВТО», например Бразилия, имели более сильные предпочтения по отношению к либерализации, чем другие, в частности Индия) и стремление Запада «разделять и владеть» [6].

Существует также нечто похожее на эффект «тени будущего», который позволяет объяснить, почему, несмотря на различия в материальной силе, многие из стран БРИК, особенно Китай, уже рассматриваются как великие державы. Так как траектория роста этих стран прослеживается в течение некоторого времени, во многих мировых столицах принимается за данность то, что они скоро будут великими

державами, несмотря на имеющиеся вопросы по поводу устойчивости этого подъема.

Рассмотрим вопрос реформы управления крупнейших международных финансовых институтов. Члены Всемирного банка, например, недавно согласились изменить структуру власти внутри института. В 2008 г. они одобрили небольшое перераспределение прав голоса (1,46%) в пользу развивающихся стран. Весной 2010 г. они расширили влияние развивающихся стран еще на 3,13%, таким образом, теперь на эти страны приходится 47,19% прав голоса. В совокупности эти изменения позволили Китаю стать третьим по размеру акционером ВБ [10, Р. В3].

Процесс пересмотра квот в МВФ, хотя он и не будет завершен до 2011 г., представляет собой, возможно, наиболее показательный пример вышеупомянутого эффекта в действии. Пересмотр реорганизует систему квот МВФ и даст существенные рекомендации по реформе размера и состава Исполнительного совета. Даже до того, как Китай опередил Японию в качестве второй по величине экономики страны в августе 2010 г., было множество спекуляций, что по доле квот или представительству в Совете, или и в том, и в другом, Китай превзойдет Японию.

Созидание, блокирование, переговоры или балансирование?

Мировой порядок не регулирует себя сам, и механизмы управления не функционируют сами по себе. Они требуют, чтобы ими управляли, руководили, их гарантировали и защищали; и больше всего им необходим актер, готовый нести убытки в случае неудачи. В либеральной международной системе, созданной в Бреттон-Вудсе и расширившейся после падения Берлинской стены, США взяли на себя эту функцию. Конечно, союзники иногда помогали в осуществлении этих функций через распределение затрат, совместные действия и политическую поддержку, но, как правило, они предпочитали полагаться на гегемонию США, особенно в сфере безопасности, или противостоять американским усилиям, если они воспринимались как направленные на реализацию интересов исключительно США, а не общих интересов.

В мире, в котором единственная сфера полного доминирования США – военная – имеет ограниченную полезность, а практически во всех других сферах существуют сильные игроки, не являющиеся традиционными союзниками США, возникает вопрос: могут ли США исполнять основные функции лидерства без поддержки новых акторов, а именно растущих держав? И будут ли эти акторы поддерживать, использовать или подрывать американские усилия? Или, другими словами, какую роль – конструктивную либо блокирующую – будут играть растущие державы в процессе становления мирового порядка? Возможно, их роли до некоторых пор будут ограничены в большей степени посредническими функциями – переговоры для обеспечения пространства и их собственных интересов и балансирование растущей роли друг друга.

Существует общее согласие насчет специфических функций гегемонии, которые великие державы в разной степени исполняют. Во-первых, финансовая. Сегодня не существует четко определенной, подчиняющейся правилам валютной системы, управляющей мировой экономикой, и, в отличие от предыдущих периодов, национальные правительства могут устанавливать цену своей валюты. Это создает необходимость стабильной национальной валюты, служащей средством расчетов и сбережения. Доллар США неофициально играет эту роль после крушения Бреттон-Вудской системы в начале 1970-х годов. Тем не менее пос-

ле появления евро в 1999 г. и с постепенным, но реальным снижением влияния Нью-Йорка и Лондона в качестве двух лидирующих глобальных финансовых центров возникли сомнения, что доллар может и будет продолжать играть эту роль в будущем.

Два фактора являются причиной снижения уверенности в позиции США. Во-первых, крупные дисбалансы на макроуровне и спад в экономике США вызвали беспокойство по поводу того, не становятся ли долларové активы более рискованными. Но, хотя эти опасения усиливаются и становятся все более распространенными, и многие предвидят, что евро или даже юань станут основной резервной валютой, для сокращения зависимости от доллара было предпринято немного реальных шагов. Это, конечно, может измениться, и внезапно, но пока этого не произошло. Во-вторых, полное доминирование США в МВФ – организации, посредством которой Вашингтон ранее формировал пакеты помощи, – становится вчерашним днем. На саммите «Группы двадцати» в Питтсбурге осенью 2009 г. крупнейшие по размерам экономики страны одобрили 5%-е перераспределение квот в пользу развивающихся стран за счет развитых⁶. Это не обязательно означает, что Соединенные Штаты потеряют даже большую часть своей способности влиять на ключевые элементы займов и других механизмов обеспечения стабильности. Тем не менее в этой сфере будет больше взаимодействия и консультаций между растущими державами, так как их влияние в мировой экономике продолжает возрастать [5].

Мировой финансовый кризис предоставил различные данные об экономических стратегиях растущих держав. С одной стороны, приток мирового капитала обратно на рынок США вскоре после начала кризиса подчеркивает, что в данный момент ни одна валюта не может конкурировать со статусом доллара как резервной валюты. Более того, вклад растущих держав в совместные усилия по стимулированию был существенным, показывая, что они, когда их интересы находятся под угрозой, более чем намерены сотрудничать с Соединенными Штатами и Западом в создании (или по крайней мере защите) стабильной мировой финансовой системы. С другой стороны, в начале кризиса китайские власти стали публично обсуждать альтернативы доллару в качестве ре-

⁶ The Pittsburgh Summit: Key Accomplishments // The Pittsburgh Summit 2009. URL: <http://www.pittsburghsummit.gov/resources/129665.htm> (date of access: 11.03.2011).

зервной валюты. Управляющий Центральным банком Китая, например, недавно предложил создать «суперсуверенную резервную валюту» в качестве пути диверсификации для отхода от доллара⁷. Переговорный сигнал от Пекина заключается в том, что пока Китай намерен брать на себя большее бремя в мировой финансовой системе, он хочет большего влияния в установлении условий игры. Пока этот гамбит не привел никуда: предложение Китая в Нью-Дели было встречено недовольством и насмешками. Даже более ограниченный вопрос использования не доллара, а другой валюты для торговли внутри БРИК поднимает неприятный вопрос о том, какая страна БРИК, если вообще какая-нибудь, примет валюту другой в качестве альтернативы⁸.

Схожая динамика сопровождается другой набор функций, необходимых для защиты либеральной экономической системы: обеспечение безопасности воздушных и морских путей и космоса. После окончания Второй мировой войны США доминировали в глобальных общественных благах. Это доминирование помогло США занять лидирующую позицию в военной сфере и гарантировало собственное экономическое влияние США, а также влияние ее союзников, и содействовало Вашингтону в уменьшении влияния его противников [26, Р. 5–46]. Это, конечно, также способствовало режиму свободной торговли, от которого растущие державы получили так много выгоды. Один из ключевых вопросов, с которым начинают сталкиваться Соединенные Штаты, – будет ли их доминирование в глобальных общественных благах ослабляться.

Данные опять свидетельствуют о двух направлениях. С одной стороны, из-за пока еще значительных различий в экономической, технологической и военной силе Соединенные Штаты могут все еще рассматриваться как неоспоримый лидер в этих сферах. Ни одна растущая держава до сих пор не создала ничего похожего на военно-морской флот, способный действовать глобально, и Соединенные Штаты все еще могут перемещать его по всему миру с огромной скоростью и относительно небольшими препятствиями. Они остаются доминирующей силой в воздушном пространстве, и,

хотя их превосходство в космосе в последние годы оспаривается и Россией, и Китаем, эти вызовы не были достаточно серьезными, чтобы привести к чему-нибудь похожему на гонку вооружений, или даже заставить Вашингтон делать существенные вложения в свою космическую программу. Военно-морской флот США продолжает быть наиболее сильным источником стабильности для мировой торговли, патрулируя ключевые сектора торговых путей, такие как Малаккский пролив. Он также продолжает принимать на себя ответственность за поддержание свободного потока нефти для всего мира. Американские военно-морские силы охраняют крупнейшие морские пути, где существует риск прерывания этого потока, и США имеют давние политические и военные связи с основными странами – производителями нефти.

Более того, как показывает пример сомалийских пиратов, укрепление растущих держав может приводить к партнерствам в сферах, где имеются транснациональные угрозы, а не к вызовам американскому руководству. Китай начал свое собственное патрулирование Аденского залива, и хотя пока миссии, возглавляемые Китаем, были в основном направлены на защиту китайских судов, они также обеспечивали безопасность кораблям из Тайваня и международным гуманитарным организациям, таким как Всемирная продовольственная программа ООН. Недавно Китай призвал к более скоординированному многостороннему решению проблемы пиратства, указывая на необходимость для международного сообщества определить сферы ответственности. Хотя этот призыв можно рассматривать как попытку добиться собственного национального пространства, это все же указывает на признание Пекином необходимости по крайней мере некоторого общего понимания⁹.

С другой стороны, существует мнение, что в ближайшем будущем США утратят доминирующие позиции над глобальными общественными благами и даже, возможно, столкнутся с открытыми вызовами. В определенных спорных зонах США видят, что их превосходство может быть оспорено, если не до поражения, то по крайней мере до ограничения: вызовы были способны существенно повысить цену американских действий [26, Р. 5–46]. В дополнение к усилиям по созданию более сильного военно-морского флота, включая авианос-

⁷ Zhou Xiaochuang: Reform the International Monetary System // Xinhua News Agency. 26.03.2009. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2009-03/26/content_11074507.htm (date of access: 11.03.2011).

⁸ Президент России Д.А. Медведев недавно поддержал превращение юаня в конвертируемую резервную валюту. См. [21, Р. А7].

⁹ Примечательно, что эти призывы исключали или серьезно преуменьшали роль Индии.

ный, Китай сейчас накапливает относительно недорогие технологии времен «холодной войны» – зенитную артиллерию, ракеты класса «земля-воздух» и подводные мины. Хотя создание значимой наступательной военной мощи может занять годы, существенно усиленный китайский военный потенциал может сделать американское влияние менее результативным и эффективным [26, Р. 5–46]. Схожим образом (хотя и менее заметно на Западе) Индия, имеющая на данный момент третий в мире по силе военно-морской флот, также наращивает свою военную мощь. Укрепление Индии в этой сфере стало результатом ее экономического развития и растущей необходимости обеспечивать безопасность торговых путей, особенно для поставок энергоносителей через Ормузский пролив. В то же время ее стратегический ответ на военное укрепление Китая является еще одним индикатором того, что мировая торговля, отсутствие безопасности в сфере энергетики и традиционная межстрановая конкуренция сильно взаимосвязаны. Хотя сохраняется множество вопросов относительно устойчивости и конкурентоспособности растущих вооруженных сил Китая и Индии и того, что это может в конечном счете означать для позиции Америки, эти изменения затруднят возможности Вашингтона проецировать силу в сфере глобальных общественных благ для защиты торговли и обеспечения стабильности на море.

Тем не менее, как и в случае с резервной валютой, военно-морское развитие Индии и Китая, возможно, защищает функцию лидерства Америки. На фоне агрессивной и уверенной внешней политики Китая после финансового кризиса китайские власти начали выражать «готовность» «разделить бремя» обеспечения безопасности в Малаккском проливе. Это предложение было встречено в регионе молчанием. Несмотря на растущие противоречия между США и Китаем и различия в интересах Индии и США, пока еще можно утверждать, что ни одна азиатская держава не имеет достаточно доверия по отношению к своим соседям, чтобы согласиться с передачей США своей военно-морской роли любой из них. Опять же, противоречия между растущими державами ограничивают их пространство для маневра относительно.

Наконец, Соединенные Штаты часто выступали в качестве стабилизатора баланса сил в регионах стратегической важности. Так же как Великобритания делала это на европейском континенте, США стремились к тому, чтобы ни одно государство не могло бы доминировать

в своем регионе. Традиционно США вмешивались в ситуацию, используя военную мощь, или вступали в войну в случае, если считали, что соответствующие региональные акторы не способны поддерживать баланс, таким образом давая возможность потенциально доминирующему государству стремиться к гегемонии. В Европе США для этих целей опирались на многосторонние институты, руководствуясь часто цитируемой логикой существования НАТО: «держат Америку в Европе, Россию вне Европы, а Германию под контролем». Между тем на Ближнем Востоке и в Азии США предпочитают использовать двусторонние отношения для обеспечения территориальных границ и режима безопасности, создавая систему «центр и спицы» с Америкой в центре¹⁰. И хотя методы, используемые в разных регионах, различны, конечная цель всегда остается неизменной.

В краткосрочной перспективе военная и экономическая мощь США, скорее всего, будет все еще гарантировать региональный баланс с небольшими дополнительными издержками. Тем не менее в долгосрочной перспективе возникает вопрос, сохранит ли Вашингтон эту способность. Многое будет зависеть от способности растущих держав, особенно Китая и Индии, продолжать расти в экономической и военной сфере и от того, как они распорядятся своей силой.

В то время как концепция имперского перенапряжения оказывает большое влияние и так как растущие державы становятся сильнее в экономической, военной и технологической сферах, они будут более способны нарушать локальные балансы сил. Сильный Китай может начать бросать вызовы системе безопасности США в Восточной Азии, заставив менее крупные государства выбрать Пекин в качестве основного союзника, возможно, осознавая, что государства, которые географически близки к великой державе, с большей вероятностью примкнут к ней [31, Р. 17–21; 27–32]. В Западной Азии Китай был способен обеспечивать безопасность долгосрочным контрактам на поставки газа и нефти, в то время как США потратили к изумлению китайских властей и стратегов более 1 трлн долл. на две войны в этом регионе. Также правдоподобным выглядит сценарий, согласно которому Китай предпримет попытку вернуть Тайвань, что, по всей вероятности, приведет к военному ответу

¹⁰ Подробнее о том, почему США предпочитают двусторонние отношения в Азии, но многосторонние в Европе, см. в: [9, Р. 158–96].

со стороны США; М. О'Ханлон и Р. Буш показали, почему этот сценарий более вероятен, чем думают многие эксперты [7]. Наконец, военные действия Северной Кореи против Южной Кореи скорее всего заставят войска США и Китая вмешаться в конфликт на Корейском полуострове. Хотя ни Китай, ни Соединенные Штаты не считают, что это в их интересах, и могут даже взаимодействовать для разрешения кризиса, риски подобного конфликта, в результате которого разногласия между США и Китаем усилятся, высоки. Политические разногласия будут возникать вследствие разных взглядов на будущее полуострова: Соединенные Штаты поддерживают объединение, а Китай заинтересован в стабильной, но также и в слабой и разделенной Корее. Это может создать соперничество по поводу того, каким должен быть региональный порядок с точки зрения безопасности. И хотя Индия и Бразилия имеют менее экспансивный военный потенциал, чем Китай, их растущее дипломатическое влияние в своих субрегионах меняет возможности США. Даже Южная Африка, как мы видели, была способна противодействовать западной дипломатии в своем субрегионе.

На Ближнем Востоке перспективы менее ясны, прежде всего из-за вакуума, созданного вторжением в Ирак. Постоянно предпринимаются попытки добиться баланса сил в регионе, но никакого регионального порядка даже в начальной стадии не появилось, несмотря на то что Иран позиционирует себя в качестве регионального политического брокера, каким уже является, но в меньшей степени, Турция¹¹. Мощь США в регионе, вероятно, снижается, хотя ни одна из растущих держав не является достаточно сильной, чтобы играть роль гегемона. Межстрановое соперничество на Ближнем Востоке остается нормой, и регион представляет собой оранжерею транснациональных угроз. Более того, многосторонние институты, которые реагировали на вызовы в регионе, хотя часто надежно выполняют свою роль в сферах посредничества, поддержания мира, ядерного нераспространения и гуманитарной помощи, проявляли недостатки, особенно в сферах государственного строительства и борьбы с терроризмом [16, Р. 284–288].

Вероятно, наибольшее беспокойство вызывает превращение региона в зону конкуренции ведущих держав за природные ресур-

сы. Возможно, за исключением Центральной Азии, ни один другой регион не становился в такой степени ареной противостояния за энергоносители, как Ближний Восток. Нефть из-за ее важности для мировой экономики, а также страха истощения ее запасов, выделяется из всех других видов природных ресурсов своей способностью усиливать разногласия великих держав. М.Т. Клэр рассматривает динамическую модель, в которой страны, испытывающие недостаток в энергоносителях, могут создавать стратегические партнерства с дружественными странами, богатыми энергоносителями, часто укрепляя эти договоренности передачей крупных партий вооружений, новыми или возрожденными военными альянсами и отправкой войск в нестабильные энергодобывающие регионы [18, Р. 7].

Действительно, в то время как политическое влияние США на Ближнем Востоке уменьшается, оставленное пространство начинает заполняться растущими державами. Китай начал «дипломатическую атаку» на страны Персидского залива [1]. Пекин давно признал растущие потребности Китая в энергоносителях, и китайские чиновники расширяют присутствие в столицах Саудовской Аравии и Ирана для обеспечения импорта из этого региона. Сейчас Китай импортирует около 1,8 млн баррелей нефти из Персидского залива в день – в 3 раза больше, чем в 1997 г.¹² Действительно, усилия Китая сконцентрированы не только на обеспечении двусторонних соглашений, но и на приобретении прав на разведку и добычу в странах, которые в течение долгого времени считались союзниками США (или их противниками) [18, Р. 195]. Эти соглашения, вне зависимости от того, что они создают, противоречат общему рыночному подходу, который использовался крупнейшими потребителями энергии в течение последних двадцати лет. Китай пытается сделать это незаметно, стараясь избегать действий, которые могут быть восприняты как угрожающие позициям США. Тем не менее иногда Запад открыто критикует действия Китая. Как отмечают эксперты в области энергетики Д. Виктор и Л. Уайх, это усилило в Китае страх, что поставки энергоносителей будет сложно получить, поэтому, скорее всего, напряженность в отношениях США и Китая усилится [30, Р. 61–73]. Индия, вследствие близости к этому региону, в течение долгого времени получала большую

¹¹ Описание попыток Ирана (и Израиля) определить региональный порядок на Ближнем Востоке см. в [25]. О попытках Турции см. [4, No. 3, Р. 39–50].

¹² Данные US Energy Information Administration. URL: <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/China/Oil.html> (date of access: 11.03.2011).

часть своей нефти от стран Персидского залива, и также интенсифицировала двустороннюю дипломатию в последние годы. Отношения и с Ираном, и с Саудовской Аравией углублялись, и одним из наиболее явных событий стало соглашение 2004 г. между государственной компанией Indian Oil и иранским Petropars о разработке части прибрежного газового месторождения и создании завода по сжижению для экспорта в Индию [18, Р. 203–4]¹³. Необходимо разобраться, означают ли такие соглашения, выдвигающие на первый план соперничество за ресурсы, что ведущие державы не смогут избежать углубляющихся противоречий вокруг нефтяных ресурсов либо, напротив, сумеют прийти к соглашениям, которые способствуют региональной стабильности.

Удивительно, что пока Бразилия (совместно с Турцией) бросила самый сильный вызов стратегии США на Ближнем Востоке. В совместной попытке заблокировать действия США по введению санкций против Ирана, Бразилия и Турция напрягли недавно обретенные мускулы и заявили о своей независимости от порядка в регионе, возглавляемого США. Будучи избранными членами Совета Безопасности ООН и начав с попытки применения переговорной стратегии, эти страны затем перешли к стратегии чистого блокирования. Еще слишком рано говорить, подорвет ли их гамбит на переговорах по Ирану усилия по введению санкций, но голосование Турции против Соединенных Штатов (несмотря на давление со стороны лично президента Б. Обамы) оставляет режим санкций без важной составляющей в виде участия в нем крупнейшего соседа страны, против которой он направлен, что обычно является признаком неуспеха. Конечно, возможно, что американская дипломатия убедит этих акторов вернуться к переговорной позиции, особенно после того, как бразильско-турецкая позиция была ослаблена стремительностью, с которой Китай и Россия согласились с решением США продвигаться в сторону санкций, несмотря на объявление о предварительном соглашении между Ираном, Турцией и Бразилией, достигнутом буквально за несколько часов до голосования в Совете Безопасности.

В своих регионах растущие державы явно стремятся к превосходству. В финансовой сфере они, на наш взгляд, стремятся участвовать в усилиях по созданию более эффективного набора соглашений, но без основательных переговоров о природе правил и их статусе внутри

них. Аналогично в сфере безопасности они часто согласны сотрудничать, особенно в ответ на транснациональные угрозы, но остаются непреклонными относительно их большей роли в принятии решений. Иногда они стремятся препятствовать инициативам ведущих держав. Тем не менее во всех случаях их усилия осложнены растущей озабоченностью по поводу развития их собственных партнеров по БРИК. Несмотря на всю торжественность саммитов БРИК, разногласия внутри этой группы превосходят разногласия между любым из ее членов и США. По крайней мере в краткосрочной перспективе, подходы растущих держав к вопросам мирового порядка кажутся более сконцентрированными на защите индивидуальных интересов каждой из них и балансировке других, чем на облегчении пересмотренного порядка или стремлении заблокировать движение вперед.

Растущие державы играют в сложную игру, так как маневрируют, чтобы продвигать собственные интересы, мешать друг другу и все же убеждать Соединенные Штаты присматривать за системой. Одной из причин для беспокойства является возможность просчета; даже если ни одна растущая держава в одиночку не сможет слишком сильно надавить на США, их совместные действия могут привести к тому, что Вашингтон станет менее склонен играть лидерскую роль. В то же время каждая из них может вызвать неудачу крупных инициатив, просто отказываясь в них участвовать. Индивидуальные жесткие переговоры могут, таким образом, непреднамеренно превратиться в коллективное блокирование. Вряд ли это худший из возможных результатов, но все же это результат, таящий опасность для международной системы.

Литература

1. Andrews-Speed C.P., Liao X., Dannreuther R. The Strategic Implications of China's Energy Needs // Adelphi Paper 346. Oxford: Oxford University Press for the International Institute for Strategic Studies, 2002.
2. Annual Review of Global Peace Operations 2009 // Center on International Cooperation. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2009.
3. Baldwin D. Power Analysis and World Politics: New Trends Versus Old Tendencies // World Politics. 1979. Vol. 31. No. 2.
4. Barkey H. Turkey's Moment of Inflection // Survival. 2010. Vol. 52. No. 3.
5. Baru S. India's Stake in the Dollar's Future // Business Standard. 7.10.2009. URL: <http://www.business->

¹³ См. также [19].

- standard.com/india/news/sanjaya-baru-indias-stake-indollars-future/372461/ (date of access: 11.03.2011).
6. Blustein P. *Misadventures of the Most Favored Nations: Clashing Egos, Inflated Ambitions, and the Great Shambles of the World Trading System*. N. Y.: Perseus, 2009.
 7. Bush R., O'Hanlon M. *A War Like No Other: The Truth About China's Challenge to America*. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2007.
 8. Caballero-Anthony M. *Nontraditional Security and Multilateralism in Asia // Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community / M. Green, B. Gill (eds)*. N. Y.: Columbia University Press, 2009.
 9. Cha V. *Powerplay Origins of the U.S. Security System in Asia. International Security. 2009–2010*. Vol. 34. No. 3.
 10. Chan S. *Poorer Nations Get Larger Role in the World Bank // New York Times*. 25.04.2010.
 11. Cohen S. *India: Emerging Power*. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2001.
 12. Drezner D. *Bad Debts: Assessing China's Financial Influence in Great Power Politics // International Security*. 2009. Vol. 34. No. 2.
 13. Gowan R., Brantner F. *A Global Force for Human Rights: An Audit of European Power at the UN, European Council on Foreign Relations Policy Paper*. L.: European Council on Foreign Relations, 2008.
 14. Haass R. *The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance? // Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87. No. 3.
 15. Hurrell A. *Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would-be Great Powers? // International Affairs*. 2006. Vol. 82. No. 1.
 16. Jones B., Pascual C., Stedman S. *Power and Responsibility: Building International Order in an Era of Transnational Threat*. Washington D.C.: Brookings Institution, 2009.
 17. Kagan R. *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*. N. Y.: Vintage, 2004.
 18. Klare M. *Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy*. N. Y.: Henry Holt, 2009.
 19. Larkin J. *Iran, India Reach Accord to Work on Gas Deposits // Wall Street Journal*. 3.11.2004.
 20. Mahbubani K. *The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East*. N. Y.: Public Affairs, 2008.
 21. Mauldin W. *Russia Backs Stronger Rivals to Dollar // Wall Street Journal*. 19.06.2010.
 22. McFarlane N. *The "R" in "BRICs" // International Affairs*. 2006. Vol. 82. No. 1.
 23. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. N. Y.: Norton, 2001.
 24. Mohan R. *Crossing the Rubicon: The Shaping of India's New Foreign Policy*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003.
 25. Parsi T. *Treacherous Alliance: The Secret Dealings of Israel, Iran, and the U.S.* New Haven, C.T.: Yale University Press, 2007.
 26. Posen B. *Command of the Commons: The Military Foundations of U.S. Hegemony // International Security*. 2003. Vol. 28. No. 1.
 27. Steinberg R. *In the Shadow of Law or Power? Consensus-Based Bargaining and Outcomes in the WTO/GATT // International Organization*. 2002. Vol. 56. No. 2. P. 339–74.
 28. Tellis A. et al. *Measuring National Power in the Postindustrial Age*. RAND, 2000.
 29. *The BRICS: The Trillion-Dollar Club // Economist*. 15.04.2010. URL: http://www.economist.com/node/15912964?story_id=15912964 (date of access: 11.03.2011).
 30. Victor D., Yueh L. *The New Energy Order // Foreign Affairs*. 2010. Vol. 89.
 31. Walt S. *Origins of Alliances*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1990.
 32. Wight M. *Power Politics*. Harmondsworth: Penguin, 1944.
 33. Wilson D., Purushothaman R. *Dreaming With BRICs: The Path to 2050 // Goldman Sachs Global Economics Paper*. 2003. No. 99.
 34. *World Energy Outlook 2009 // International Energy Agency*. Paris: OECD/IEA, 2009.
 35. *World Population Prospects: The 2008 Revision // United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division*. N. Y.: United Nations, 2009.
 36. Yunling Z., Shiping T. *A More Self-Confident China Will Be a Responsible Power // Straits Times*. 2.10.2002.
 37. Zakaria F. *The Post-American World*. N. Y.: Norton, 2008.